

У истоков

К 200-летию со дня рождения
К. С. Аксакова (1817—1860)

© Монахова И. Р.

© Monakhova I.

У истоков. К 200-летию со дня рождения К. С. Аксакова (1817—1860)

At the origins. To the 200th anniversary of K. S. Aksakov (1817—1860)

Аннотация. В 2017 г. исполняется 200 лет со дня рождения Константина Сергеевича Аксакова (1817—1860) — литератора, историка, поэта, публициста. К. С. Аксаков — один из идеологов славянофильства, стоявший у истоков этого направления. Сегодня славянофильство в обыденном восприятии зачастую представляется как банальный консерватизм, в то время как это прежде всего интересная философская идея.

Annotation. In the 2017 we are going to celebrate the 200th anniversary of Konstantin Sergeevich Aksakov (1817—1860) — a man of letters, historian, poet and publicist. K. S. Aksakov was one of the ideologists of Slavophilism who had been among its originators. Today's everyday views often consider the Slavophilism as banal conservatism, whereas it is, in the first place, an interesting philosophical idea.

Ключевые слова. К. С. Аксаков, славянофильство, западничество, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, полемика западников и славянофилов.

Key words. K. S. Aksakov, Slavophilism, Westernism, A. I. Herzen, V. G. Belinsky, polemics between Westernists and Slavophiles.

В 2017 г. исполняется 200 лет со дня рождения Константина Сергеевича Аксакова — литератора, историка, поэта, публициста. Больше всего он известен как один из ранних славянофилов, стоявших у истоков этого направления, один из его идеологов, — времен бурных журнальных и салонных споров западников и славянофилов 1840—1850-х гг.

Полемика эта не утихла и до сих пор, поэтому и обращение к ее истокам остается актуальным, хотя многое в ней с тех пор изменилось. Так отличается чистый исток реки от ее дальнейшего течения — полноводного, но в то же время замусоренного, для утоления жажды непригодного. О тех истоках, о западниках и славянофилах 1840—1850-х гг., А. И. Герцен писал: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому

народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» [17. С. 154].

Сегодня славянофильство в обыденном восприятии зачастую смешивается с банальным консерватизмом, а ведь это прежде всего интересная философская идея.

* * *

Воззрения К. Аксакова, которые переросли в славянофильские убеждения, начали формироваться еще в 1830-е гг. — в период его учебы в Московском университете и участия в кружке Н. В. Станкевича, объединявшем таких молодых философов, поэтов, литераторов, как В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, Т. Н. Грановский, А. В. Кольцов, В. П. Боткин, Я. М. Неверов, А. П. Ефремов, И. П. Ключников, В. И. Красов, М. Н. Катков и др. Идейные разногласия К. Аксакова с членами кружка, в том числе с Белинским — его будущим визави по литературной полемике, начинались еще в это время. Для Белинского этот кружок единомышленников, объединенных научными интересами и жаждой познания, открывающего новые горизонты в осмыслении жизни, был родной стихией — «родимым гнездом» (как назовет он его позже). Критический взгляд на современную им Россию, осмысление ее проблем, отрицание «ложновеличавого», напыщенного в искусстве — все это совпадало со стилем его жизни, его мышления, взглядами на жизнь.

К. Аксакову же образ мыслей и настроение кружка были не вполне близки. Выросший в патриархальной семье, в помещичьей усадьбе на лоне природы, окруженный родительской любовью, вдали от острых проблем, он был склонен к более уравновешенному, «беспроблемному», идиллическому взгляду на жизнь. Влияние большой дружной семьи с ее неизменной атмосферой дружбы и доверия, общности интересов и взаимопомощи было одним из самых важных факторов при формировании идейных убеждений братьев Константина и Ивана Аксаковых.

В юношеский период жизни К. Аксакова, особенно в первые годы его общения с кружковцами, в его представлении любовь к родной стране и критика ее недостатков были вещами несовместными. Он не вполне разделял критическое направление кружка, но в то же время и понимал основательные причины его возникновения. «Этот кружок желал правды, серьезного дела, искренности и истины. Это стремление, осуществляясь иногда односторонно, было само в себе справедливо и есть явление вполне русское» [2. С. 131].

Немаловажным фактором, осложняющим участие К. Аксакова в кружке Станкевича, была значительная для его юного возраста (он поступил в университет и пришел в кружок Станкевича в 15 лет) разница в годах по сравнению с остальными кружковцами, составлявшая в среднем около пяти лет. Так, он был моложе Белинского на шесть лет, Станкевича — на четыре года. Как жизненный опыт, так и научные познания создавали дистанцию между К. Аксаковым и другими участниками кружка, которые стремились образовывать его — особенно в области философии

и эстетики, и в то же время влиять на его взгляды, его мировоззрение. Для К. Аксакова это было тяжело, не очень приятно, но и необходимо. Ему, юноше незаурядному, стремящемуся к развитию и новым познаниям, очень важен был круг людей образованных, самобытных, размышляющих о главных вопросах бытия, обсуждающих нравственные темы. Общество однокурсников (людей жизнерадостных, остроумных, непосредственных — но не более того) его не вполне устраивало. О среде своего общения в университете до знакомства с кружком Станкевича он вспоминал: «Мои друзья не соответствовали всей мере моих требований. <...> Курс наш был не замечателен личностями и не удовлетворял моим духовным потребностям» [2. С. 126—129].

После окончания университета К. Аксаков еще больше сблизился с кружком: «Я держал себя далеко от них, говорил всем *вы*; я не любил *искать* дружбы или приязни. Но теперь дело переменилось: они сами сблизились со мною, просили меня говорить им *ты*, говорили, что ошибались прежде» [5. С. 103]. Но идейные разногласия между ними продолжали существовать.

Увлечение критикой российской действительности Константином Сергеевичем воспринималось болезненно, но пристальное внимание к этическим вопросам для него было весьма ценной и притягательной темой. «Как всегда бывает, отрицание лжи доходило и здесь до односторонности; но, надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападение на претензию, иногда даже и там, где ее не было, не переходило само в претензию, как это часто бывает и как это было в других кружках. Одностороннее всего были нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами. Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, еще многого не передумавший, еще со многим не уравнившийся, я был поражен таким направлением, и мне оно часто было больно; в особенности больны были мне нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет. Но, видя постоянный умственный интерес в этом обществе, слыша постоянные речи о нравственных вопросах, я, раз познакомясь, не мог оторваться от этого кружка и решительно каждый вечер проводил там» [2. С. 130].

Также объединяла всех в кружке (и, может быть, прежде всего Белинского, Станкевича и Аксакова) любовь к искусству, живой интерес к появляющимся в то время шедеврам Гоголя, созданным в духе новой, реалистической эстетики. С Белинским связано и начало литературной деятельности К. Аксакова — его первая публикация (драматическая пародия К. Аксакова «Олег под Константинополем») появилась в 1835 г. в газете «Молва», которую Виссарион Григорьевич тогда редактировал вместо уехавшего в длительную командировку Н. И. Надеждина. Белинский напечатал отрывки из этой шуточной драмы, сопроводив их своим примечанием, где упомянул, что большую часть ее он слышал «из уст скромного автора», которого представил публике как молодого человека «с необыкновенным поэтическим дарованием» [13. С. 221].

По воспоминаниям И. И. Панаева, посетившего Москву в 1839 г., «Белинский был всегда довольно короток в доме Аксаковых, но перед моим приездом в Москву между им и этим семейством произошло какое-то недоразумение, размолвка» [21. С. 181].

К этому времени относятся наибольшие расхождения и наконец разрыв К. Аксакова с участниками кружка Станкевича — прежде всего из-за идейных разногласий. Существенную роль в этом сыграл М. А. Бакунин. Об отдалении К. Аксакова от этого кружка он пишет братьям Г. С. и И. С. Аксаковым в феврале—марте 1839 г.: «Я расстался со всем их кружком, без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался *сам*, по истинному своему влечению и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно. — Белинский лучше всех моих приятелей; в нем есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных» [6. С. 125].

После переезда Белинского в Петербург их отношения с К. Аксаковым стремительно охладевали. Славянофильские убеждения последнего все более четко определялись, а журнальная полемика обостряла и накаляла противостояние славянофилов и западников. Одним из самых ярких эпизодов полемики не только между Белинским и К. Аксаковым, но и вообще между западниками и славянофилами стал произошедший между ними в 1842 г. печатный обмен мнениями по поводу «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

* * *

Полемичности отношений западников и славянофилов во многом способствовали Белинский и К. Аксаков. По замечанию А. И. Герцена, «страстный и вообще полемический характер славянской партии особенно развился вследствие критических статей Белинского» [17. С. 124]. Конечно, он при этом увлекался, но то же можно сказать и о К. Аксакове. Так, в 1840 г., предполагая полемизировать с Белинским по поводу его рецензии на собрание сочинений М. В. Ломоносова, он решительно заявлял: «Мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался» [8. С. 145] (работа К. Аксакова о М. В. Ломоносове вышла через шесть лет). В 1842 г., в разгар полемики о «Мертвых душах», Белинский отмечал в одном из писем В. П. Боткину: «Спасибо тебе за вести о славянофилах. <...> Ненависть этих господ радует меня — я смакую ее, как боги амброзию. <...> Я был бы рад их мщению, и чем бы оно было действительнее, тем для меня отраднее. Я буду постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить. Бой мелочной, но все же бой, война с лягушками, но все же не мир с баранами» [10. С. 124].

В дальнейшем полемика между западниками и славянофилами только обострялась. При этом и та и другая сторона, конечно, увлекались, могли впадать в крайности, но и те и другие признавали и уважали искренность друг друга и понимали, что и теми и другими движет любовь к России и стремление к ее благу, к которому они видели разные

пути. Как показал исторический опыт, сами по себе реформы по западному образцу, к которым стремились западники, еще не гарантируют стране и ее народу процветания, все гораздо сложнее. Но и идеал славянофилов — возвращение к порядкам, нравам и обычаям допетровской Руси — имеет изъяны. Главный из них — утопичность. Причем «мечтательный элемент», по выражению Н. А. Бердяева, был присущ обоим направлениям: «Славянофилы смешали свой идеал России, свою идеальную утопию совершенного строя с историческим прошлым России. <...> Но западники делали другого рода ошибку. Они смешивали свой идеал лучшего для России строя жизни с современной им Западной Европой, которая отнюдь не походила на идеальное состояние. И у славянофилов и у западников был мечтательный элемент, они противопоставили свою мечту невыносимой николаевской действительности» [14. С. 36—37].

Увлекаясь своей мечтой об устройстве русской жизни, лишенном западного влияния, славянофилы, в частности, К. Аксаков, иногда слишком отрывались от действительности, что вредило их направлению во мнениях общества. Например, К. Аксаков взял за обычай носить не обычный общепринятый костюм, а старорусскую одежду (косоворотку, мурмолку), а также отпустил бороду. В результате, по шуточному замечанию П. Я. Чаадаева, «народ на улицах принимал его за персиянина» [17. С. 133].

К. Аксаков не только сам одевался на старинный манер, но также пытался приобщить и светских дам к такой одежде — и, конечно, не нашел в этом понимания. «Ни одна не решается надеть сарафана», — сокрушался он в письме Н. В. Гоголю [7. С. 66], который не одобрял таких «крайностей» и деликатно посоветовал ему дожидаться, когда монарх первым облачится в старинную одежду, и тогда уж следовать его примеру, а также напомнил о смирении: «Я вас прошу убедительно и сильно <...> не быть отличну от других своим нарядом и не отделять себя от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение» [20. С. 37]. А по поводу более существенных вопросов его упреки К. Аксакову были жестче: «До нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его» [20. С. 37].

Кстати, сам Гоголь (не примыкавший ни к западникам, ни к славянофилам) так сформулировал сущность своего отношения к русской старине, традиции и ее роли в завтрашнем дне России: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспризднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!», — писал он в 1846 г. в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» [19. С. 417]. И этот подход

представляется оптимальным — зерно всего лучшего, что было в старине, традиции, должно органично прорасти в настоящем и будущем, а не переноситься в застывших формах и в том числе во внешних атрибутах.

Западники и славянофилы были в ряде важных вопросов едины: и те, и другие требовали демократических реформ, прежде всего, отмены крепостного права, свободы слова. И в оценке общественно-политической ситуации в России у них не было существенных расхождений. Характерный пример тому — знаменитое «зальцбруннское» письмо Белинского к Гоголю 1847 г. и Записка К. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная императору Александру II в 1855 г. В этих двух сочинениях, написанных совсем с небольшим (по историческим меркам) временным промежутком, в наиболее ярком, четком и систематическом виде были выражены общественно-политические позиции Белинского и К. Аксакова, да и вообще западников и славянофилов (насколько они могли быть выражены в России при цензуре и отсутствии свободы слова). Записка К. Аксакова, хотя и была прочитана адресатом, но не привела к какому-либо реальному результату и опубликована была лишь в 1881 г., а «зальцбруннское» письмо Белинского к Гоголю не могло тогда появиться в российской печати, но вскоре разошлось в списках по всей России.

К. Аксаков в Записке писал: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. <...> Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж — страшны. <...> Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. <...> Необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу. <...> Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. <...> Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал. Правительству — неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода *жизни* и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству — право действия* и, следовательно, закона; *народу — право мнения* и, следовательно, слова» [3. С. 248—251].

Белинский в письме Гоголю писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» [12. С. 213].

Как бы по-разному ни относились западники и славянофилы к деятельности Петра I и возможностям возрождения древних, допетровских традиций, но важно, что в их общественно-политической позиции были сходные требования — реформ, свобод, отмены крепостного права. И в этом они были едины. Вот почему они, которых привычно считают разными «партиями», по существу, представляли собой (во всяком случае в ранний период) два крыла одной «партии» — оппозиционной к сложившейся тогда общественно-политической ситуации в России и добивавшейся демократических реформ. Это была оппозиция не столько по отношению к самой по себе высшей власти (тут были расхождения среди западников: так, А. И. Герцен однозначно считал самодержавие злом для народа, а Белинский надеялся, что воля царя обеспечит проведение крестьянской реформы, несмотря на нежелание правительства и аристократии), сколько к установившемуся порядку, который характеризовался повсеместным гнетом чиновничьих структур и пренебрежением мнением народа.

Как бы по-разному ни относились западники и славянофилы к деятельности Петра I и возможностям возрождения древних, допетровских традиций, но важно, что в их общественно-политической позиции были сходные требования — реформ, свобод, отмены крепостного права. И в этом они были едины.

И западники, и славянофилы подвергались цензурному гнету. Статьи Белинского зачастую появлялись в печати в «искромсанном» цензурой виде, а многие сочинения К. Аксакова по той же причине вообще не были опубликованы при его жизни.

К. Аксаков характеризовал ситуацию в стране почти теми же словами, что и его оппонент Белинский в письме Гоголю: «Россия <...> представляет собою ужасное зрелище страны, где <...> нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [12. С. 213].

Западник А. И. Герцен писал: «Русское правительство — не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское» [18. С. 255]. Этот его вывод совпадает с тезисом славянофила К. Аксаковым в Записке царю: «Вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!» [3. С. 242].

Вот где было настоящее противостояние, более существенное, чем между западниками и славянофилами, — противостояние тех, кто стремился к возрождению и развитию России, и тех, кто своими делами препятствовал этому. В связи с этим символично звучат слова западника Т. Н. Грановского из его письма славянофилу И. В. Киреевскому 1845 г.: «Вы сами не раз говорили мне, что в России... только две партии — людей благородных и низких» [22. С. 442].

Западники, не приемля славянофильских представлений о путях развития России и считая их утопическими, признавали ценное в их идеях. Так, В. П. Боткин отмечал в письмах П. В. Анненкову: «В славянском вопросе <...> упущена только безделица — принцип политико-экономический и государственный; это есть не более, как романтические фантазии о сохранении национальных предрассудков» [15. С. 263]; «но... славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга; они первые почувствовали, что наш космополитизм ведет нас только к пустомыслию и пустословию; эта так называемая “русская цивилизация” исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдруг пришли ей сказать, что она пуста и лишена... национального корня; они первые указали на необходимость национального развития... В критике своей они почти во всем справедливы; ...пора была напомнить недорослю, который потому только, что, стыдясь знать свой родной язык, считал себя гражданином мира, — что он не более как недоросль. Но в критике заключается и все достоинство славян! Как только выступают они к положению — начинаются ограниченность, невежество, самая душная патриархальность, незнание самых простых начал государственной экономики, нетерпимость, обскурантизм» [16. С. 271].

К. Аксаков же отмечал, что не отвергает взаимодействия русской и западных культур в плане приобщения к их лучшим достижениям, приводя в пример русских царей в допетровский период: «Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ Русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а еще менее от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно» [3. С. 240].

И в западничестве, и в славянофильстве были и крайности, и недостатки, и противоречия. Славянофилы явно идеализировали крестьянство, видя в нем только положительные черты и представляя его исключением из всех сословий, которые были подвержены нравственному разложению в результате петровских реформ. Иными словами, они не учитывали в полной мере влияние «человеческого фактора» на историческую судьбу России, не хотели видеть, что, несмотря на привитие европейской культуры, образованные сословия по своему менталитету не отличаются существенно от простого народа. «Дура-

ки славянофилы, думающие, что европеизм нас выродил и что между русским мужиком и русским профессором легла бездна!», — восклицал Белинский, размышляя о своих наблюдениях в одном из писем 1847 г. [11. С. 412].

Противоречивы воззрения К. Аксакова по одному из основных вопросов — о народе и государстве. Он утверждает, что русский народ — это «народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий... в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного» [3. С. 249].

Однако необходимым элементом русского государственного устройства, связывающим власть и народ (государство и землю), он считает общественное мнение: «Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*» [3. С. 238]. И образцовым периодом русской государственности, когда этот элемент в должной мере присутствовал, по его мнению, было допетровское время, когда «цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли» [3. С. 238].

А в петровской модели государственного устройства К. Аксакова возмущает отсутствие взаимосвязи между властью и народом, когда правительство, чуждое народному духу, не интересуется народными суждениями о том или ином значимом вопросе. Это приводит к нравственному разложению и ослаблению духовных сил общества. И главным политическим требованием К. Аксакова в Записке царю было возвращение к прежнему устройству страны: «Надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и... само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях»; «свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор» [3. С. 249, 256].

Речь идет о реальном влиянии народа на политику властей, пусть и необычным путем — не конституции и представительства в парламенте, а свободного высказывания мнения. Значит, и потенциальная возможность «участия в правлении», и «политический элемент», — все это в народе присутствует и требует реализации, и не так уж он равнодушен к государственной жизни, каким его сам же К. Аксаков представляет.

Другое явное противоречие и главный утопический элемент славянофильских идей К. Аксакова — это чаемое внедрение общественно-го мнения в политическую жизнь страны по желанию именно правительства — того самого, которое, по его словам, стало чужим народу и представляет собой «завоевательное» государство. Конечно, закономерен вопрос: почему бы столь деспотическое правительство стало действовать вопреки всей своей прежней логике и поощрять свободу слова,

спрашивать у народа его мнение, а услышав это мнение — считаться с ним? Таким образом, в воззрениях К. Аксакова важные и ценные идеи об общественно-политическом и нравственном состоянии России сочетались с неопределенным, утопическим представлением об их воплощении в жизнь.

В идеях западников тоже были свои противоречия. Так, восхищение реформами Петра I сосуществовало с возмущением крепостным правом, в ужесточении и узаконивании которого решающую роль сыграл как раз первый русский император. Для Белинского петровские реформы были самым значительным этапом развития России, и величие Петра он видел прежде всего в том, что тот преодолел традиции, оттолкнулся от прошедшего, приобщил общество к достижениям западной цивилизации. Но при этом Белинский, как правило, не уточняет, что одним из направлений реформирования страны Петром I было ужесточение крепостного права и фактически узаконивание рабства, существование которого больше всего возмущало Виссариона Григорьевича. В письме Гоголю 1847 г. он утверждал, что Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек» [12. С. 213].

Такое же противоречие было и у А. И. Герцена, у которого характеристика Петра I как просветителя, великого реформатора и «первой свободной личности в России» соседствовала с обозначением его деятельности по закреплению крестьян как легкомысленной и преступной: «С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и затянул еще туже цепь крепостного права»; «первая перепись жителей, произведенная по указу Петра I в 1710 г., подвела законные основы под все чудовищные злоупотребления; и это он, просветитель России, дал на них свое изволение» [18. С. 261, 168].

В то же время оба эти направления — западничество и славянофильство — сыграли огромную роль в идейном развитии русского общества. Их формирование было связано с ростом его самосознания в 1830—1840-е гг., что выразилось, с одной стороны, в появлении выдающихся литературных произведений, а с другой — в пристальном внимании к философскому осмыслению действительности, обобщению исторического опыта и обсуждению путей развития России. Наследие как западников, так и славянофилов ценно прежде всего значительным вкладом в самосознание русского общества.

Впрочем, если говорить о сходстве и различиях их идей, то даже Белинский в конце жизни отмечал не только те аспекты славянофильской идеологии, которые считал ошибочными, но и те, которые он ценил. Он стремился найти рациональное зерно как в идеях западников, так и в идеях славянофилов, критикуя и в тех, и в других нелепые крайности. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он писал: «Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что

оно *человеческое*, и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого. <...> Славянофилы правы во многих отношениях; но, тем не менее, их роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина их странных выводов заключается в том, что они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат. <...> Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. <...> В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...» [9. С. 19—21].

На фоне противоречий встречались и моменты взаимопонимания. Белинский отмечал в той же статье: «Народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...» [9. С. 29]. Он советовал оставить в полемике вражду: «Мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным — противоборствовать с твердостью и спокойствием, без всякой вражды» [9. С. 22].

* * *

Заочным продолжением полемики 1840-х гг. стала публикация Иваном Сергеевичем Аксаковым в 1881 г. в его газете «Русь» писем Белинского к К. Аксакову 1837—1840 гг. рядом со стихотворением К. Аксакова «Петру». Впервые опубликованное, это стихотворение, написанное в 1845 г., звучит как полемическая реплика в этом заочном диалоге уже давно ушедших друзей-противников. Как бы в ответ на письма Белинского, для которого Петр I был воплощением движения России к просвещению и позитивному развитию, К. Аксаков высказывает свою точку зрения на первого русского императора:

Великий гений, муж кровавый,
Вдали, на рубеже родном
Стоишь ты в блеске страшной славы,
С окровавленным топором.
С великой мыслью просвещения
В своей отчизне ты возник
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной... [4. С. 19].

Пытаясь, по-видимому, сгладить впечатление от резкого тона стихотворения, И. Аксаков в своем комментарии подчеркнул, что оно «вовсе не претендует, да никогда и не претендовало на какое-нибудь догматическое значение вроде символа веры так называемых славянофилов. В нем... высказался... порыв негодования молодого еще тогда автора, который... чуждался всякого внешнего насилия, откуда бы оно ни исходило... Да и это стихотворение заканчивается словом мира и прощения» [1. С. 19].

Действительно, последние строчки звучат резким контрастом: мрачная картина петровского периода насильственных и чуждых народу, по мысли К. Аксакова, реформ сменяется светлым мотивом будущей, часовой новой, свободной жизни (хотя и изображенной в идиллических, утопических тонах, т. к. не объясняется, как может произойти такая счастливая метаморфоза):

И вновь оправданный судьбою
Восстанет к жизни твой народ
С своею древнею Москвою —
И жизнь свободный примет ход.
Все упадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо —
И твой народ тебя простит [4. С. 19].

После ухода из жизни ряда выдающихся западников и славянофилов сами эти направления во многом утратили былой творческий потенциал и видоизменились. Так, для самого И. Аксакова — продолжателя идей «чистого», «классического» славянофильства, одним из представителей которого был его старший брат, со временем все же более актуальными становились идеи панславизма, проблемы национальных окраин, которые совершенно не интересовали К. Аксакова.

Взгляды И. Аксакова были гораздо более консервативными и менее оппозиционными по сравнению с воззрениями его брата.

В начале 1860-х гг. Иван Сергеевич и сам ощутил некий водораздел — грань, отделившую прошедший период славянофильства (времен К. Аксакова, Хомякова, братьев Киреевских) от дальнейшей его истории. После смерти Хомякова И. Аксаков писал в письме А. И. Косчелеву 7 октября 1860 г.: «Теперь для нас наступает пора доживания, не положительной деятельности, а воспоминаний, доделываний. История нашего славянофильства, как круга, как деятеля общественного, замкнулась» [23. С. 103].

Определенное движение навстречу, к поиску взаимопонимания, точек соприкосновения, которое обозначилось еще в 1840-е гг. (в частности, в упоминавшейся статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года»), тем более проявилось в последующие десятилетия. Так, самого И. С. Аксакова в 1850-е гг. связывали дружеские отношения с И. С. Тургеневым, который предполагал принять участие в его «Московском сборнике». С другим ярким представителем западников — А. И. Герценом —

И. С. Аксаков сотрудничал, печатаясь в конце 1850-х — начале 1860-х гг. в «Полярной звезде».

А. И. Герцен в начале 1861 г. тепло и с глубокой искренней печалью отзывался в печати на смерть К. С. Аксакова, подчеркнув, что прошедшее после периода самых бурных споров между западниками и славянофилами время заставило более умудренным взглядом посмотреть на этот феномен русской общественной жизни: «Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считаться нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы — их, а потому, что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они — в нашей» [17. С. 155].

Литература

1. **Аксаков И. С.** <Примечание к публикации неизданных стихотворений К. С. Аксакова> // Русь. 1881. № 8.
2. **Аксаков К. С.** Воспоминания студентства 1832—1835 годов // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М. : Гослитиздат, 1962.
3. **Аксаков К. С.** О внутреннем состоянии России // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010.
4. **Аксаков К. С.** Петру // Русь. 1881. № 8.
5. **Аксаков К. С.** Письмо Г. С. Аксакову. Около 15 марта 1837 г. // Литературное наследство. М. : Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 56.
6. **Аксаков К. С.** Письмо Г. С. и И. С. Аксаковым. Февраль—март 1839 г. // Литературное наследство. Т. 56.
7. **Аксаков К. С.** Письмо Н. В. Гоголю. Конец августа — начало сентября 1845 г. // Переписка Н. В. Гоголя. М. : Художественная литература, 1988. Т. 2.
8. **Аксаков К. С.** Письмо С. Т. Аксакову. Конец ноября 1840 г. // Литературное наследство. Т. 56.
9. **Белинский В. Г.** Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1953—1958. Т. X.
10. **Белинский В. Г.** Письмо В. П. Боткину от 9—10 декабря 1842 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. XII.
11. **Белинский В. Г.** Письмо В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. XII.
12. **Белинский В. Г.** Письмо Н. В. Гоголю от 15 июля н. ст. 1847 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. X.
13. **Белинский В. Г.** <Примечание к «Олегу под Константинополем» К. Эврипидина> // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. I.
14. **Бердяев Н. А.** Русская идея. Судьба России. М. : Издательство В. Шевчук, 2000.
15. **Боткин В. П.** Письмо П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г. // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984.

16. **Боткин В. П.** Письмо П. В. Анненкову от 14 мая 1847 г. // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма.
17. **Герцен А. И.** Былое и думы. М. : Художественная литература, 1973. Т. 2. Ч. 4—5.
18. **Герцен А. И.** О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 7.
19. **Гоголь Н. В.** Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. VIII.
20. **Гоголь Н. В.** Письмо К. С. Аксакову. Около 17(29) ноября 1842 г. // Переписка Н. В. Гоголя. М. : Художественная литература, 1988. Т. 2.
21. **Панаев И. И.** Литературные воспоминания. М. : Правда, 1988.
22. Т. Н. Грановский и его переписка. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. Т. 2.
23. **Цимбаев Н. И.** Славянофильство : Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. ◆